

Демидов А. Б.

ДВОЙСТВЕННОСТЬ ПОНИМАНИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРОБЛЕМА ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ

В естественных языках и научном лексиконе государство представляется двояко: как социальное целое (система) и как часть, которая управляет целым. Эта двойственность обуславливает путаницу в суждениях о государстве и тесно связанных с ним предметах — обществе, нации, гражданстве и прочих. Необходимо рациональное осмысление и снятие дуализма в понимании государства.

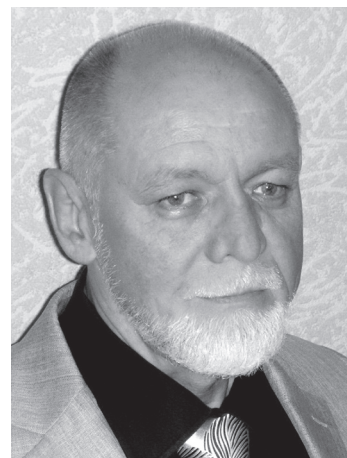
Ключевые слова: государство, общество, определение, полисемия, научный термин.

Demidov A. B.

DUALITY IN UNDERSTANDING OF THE STATE AND THE PROBLEM OF ITS OVERCOMING

In natural languages and a scientific lexicon the state is represented doubly: as social whole (system) and as a governing part. This duality causes mess in reasonings on the state and subjects closely connected with it: society, nation, citizenship and others. The rational judgment of dualism in understanding of the state and its removal is necessary.

Keywords: state, society, definition, polysemy, scientific term.

Демидов А. Б.

Понятие государства тесно связано с понятиями общества, цивилизации, нации, гражданства. Эти и другие близкие к ним понятия опираются и ссылаются друг на друга, взаимно детерминируются, но нередко и смешиваются, затрудняя как теоретический анализ, так и практически значимые формулировки, например, юридические. Двойственность представлений о государстве препятствует, например, однозначной интерпретации выражений «гражданин», «гражданское общество». Если, допустим, понятие «гражданин» подразумевает лицо, состоящее в устойчивой правовой связи с определенным государством, то содержание этого понятия будет разным в зависимости от того, понимается ли под выражением «государство» некоторое социальное целое, или только его управляющая часть, «аппарат власти».

Попытки определить понятие государства сталкиваются с рядом трудностей, общих и специфических. Общей трудностью определения любого понятия является проблема своеобразного круга в определении. Определение должно указывать признаки предмета, позволяющие отличить его от других предметов, но чтобы выявить в определяемом предмете эти признаки, нужно заранее отличить этот предмет, обособить от прочих (по уже известным его признакам), чтобы далее иметь возможность судить о том, что выявляемые признаки принадлежат именно ему, а не другому.

Специфическая трудность определения именно понятия государства видится многим в том, чтобы обеспечить полноту перечня отличительных признаков и их существенность. Авторы трудов по теории государства и права приводят разные перечни, включающие от одного признака, атрибутивного и решающего, до полутора десятков. Есть даже мнение, что «любое определение государства, имеющее в своей основе всего лишь один из его признаков (например, «организацию политической власти»), не может считаться научным»¹, и чем больше приводится существенных признаков, тем лучше. Некоторым представляется, что трудность определения обусловлена коренными различиями между государствами настоящего и прошлого и многообразием современных государственных форм. На этом основании В. Е. Чиркин полагает: «Невозможно дать краткое, но достаточно объемлющее определение такого сложного, многофакторного явления, как государство»².

Участники современных дискуссий, указывая на эти специфические трудности, почти не затрагивают вопрос о том, действительно ли искомые признаки и предлагаемые определения относятся именно к государству, а не к иным предметам, тесно связанным с ним, таким как общество, народ, страна. Нередко авторы, высказывающиеся о государстве, фактически смешивают его с обществом, а общество смешивают с народом, нацией, этносом.

Иногда все же встречаются упоминания о некоторой двусмысленности слова «государство». С. С. Алексеев отмечает, что государство в первом значении — это страна, а во втором — организация политической власти³, а Р. А. Ромашов — как «аппарат государственной власти и силовые структуры»⁵. Суждения о широком и узком смысле слова «государство» хотя и вскрывают его двусмысленность, но также и вуалируют различие государства и общества. Как будто речь идет об одном и том же предмете, но о разных его аспектах, широком и узком.

Иные авторы отмечают наличие широкого и узкого смысла слова «государство». У них государство в широком смысле совпадает с обществом, а в узком смысле государство — лишь часть общества. Н. А. Пьянов характеризует эту часть как организацию политической власти⁴, а Р. А. Ромашов — как «аппарат государственной власти и силовые структуры»⁵. Суждения о широком и узком смысле слова «государство» хотя и вскрывают его двусмысленность, но также и вуалируют различие государства и общества. Как будто речь идет об одном и том же предмете, но о разных его аспектах, широком и узком.

В современной отечественной литературе вопрос о различии государства и общества, по-видимому, не получил основательной разработки и даже не был выдвинут в качестве актуальной теоретической проблемы. Правда, столетие назад Э. Л. Радлов писал о сложности понимания государства, которая «состоит в том, что понятие государства определяется по отношению к понятиям общества и национальности»⁶, а разделить эти понятия и поставить их в определенные отношения друг к другу затруднительно.

1 Митина С. И. Теория государства и права: основы науки. — В. Новгород: Новгородский гос. ун-т, 2010. — С. 17.

2 Чиркин В. Е. Государствоведение. — М.: Юрист, 2000. — С. 47.

3 Алексеев С. С. Собр. соч.: в 10 т. — М.: Статут, 2010. — Т. 8. — 2010. — С. 95.

4 Пьянов Н. А. Актуальные проблемы теории государства и права. — Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2007. — С. 78.

5 Ромашов Р. А. Теория государства и права. — СПб.: Питер, 2010. — С. 34–35.

6 Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии / Под ред. [и с предисл.] Э. Л. Радлова. — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1911. — С. 65.

Коренная трудность, возникающая при попытках определить понятие государства, связана с двусмысленностью употребления слова «государство» в научной терминологии. Это слово заимствовано наукой из естественного языка, но пока не отшлифовано до кондиции научного термина. В современном русском языке, как и в других европейских языках, словом «государство» (и, соответственно, *die Staat*, *state*, *état* и пр.) могут обозначать, во-первых, социальное целое, называемое также и словом «общество». Во-вторых, словом «государство» могут называть ту часть социального целого, которая управляет им.

Эта двусмысленность в естественных языках образовалась естественным образом. Несколько веков назад слова «государство» и «общество» могли использоваться как синонимы без всяких оговорок. Оба слова подразумевали некоторое относительно обширное социальное целое. В качестве множества общающихся людей оно могло называться обществом, но так же естественно оно могло называться и государством как подчиненное власти государя, правителя. В других европейских языках соответствующее слово образовано не от обозначения государя, а обозначения его двора и придворных, для чего использовались выражения, основанные на латинском слове «*status*»⁷. Поскольку два слова имели одно и то же смысловое содержание, отказ от любого из них в пользу другого слова был бы просто произвольным.

Если теперь ставится вопрос, следует ли называть словом «государство» социальное целое, всю систему, или только ее управляющую часть, аппарат власти, то само наличие смыслового раздвоения уже указывает то направление, в котором должно искать обоснованный, а не произвольный ответ. Основатель современной герменевтики Х. — Г. Гадамер отмечал, что «смысл вопроса — это... направление, в котором только и может последовать ответ, если этот ответ хочет быть осмысленным, смыслообразным. Вопрос вводит опрашиваемое (*das Befragte*) в определенную перспективу». Ответ «имеет смысл лишь в смысле поставленного вопроса»⁸.

Эта методическая подсказка наводит на вопрос о том, почему некогда различие понятий государства и общества не интересовало общественную и научную мысль, но в дальнейшем такое различие приобрело некоторую значимость. Для ответа на этот вопрос можно выдвинуть следующее предположение. Различие понятий государства и общества становится актуальным тогда, когда в самой действительности образуется такое социальное целое, в котором функция власти становится суверенной и обособленной от подвластных ей людей, имеет место разнонаправленность их устремлений.

Для проверки этого предположения нужны эмпирические данные, относящиеся к области истории государства и права. С этой точки зрения значительный интерес представляет «исторический эскиз» известного германского правоведа Дитера Гримма, бывшего судьи Федерального конституционного суда (1987–1999). В статье «Государство в континентально-европейской традиции», впервые опубликованной в 1987 г., Гримм обобщенно представил историческую динамику соотношения государства и общества.

Автор характеризует современное государство как абстрактное и сверхличное образование, обладающее высшей властью над населением определенной территории. Оно не идентично ни с теми, кто властвует, ни с теми, кто им подвластен, но охватывает тех и других. Люди, осуществляющие эту власть, «действуют от имени сверхличного государства и действуют лишь в качестве его органов»⁹. Такого государства долгое время

не было, оно появилось на европейском континенте пять веков назад. Оно образовалось благодаря определенной исторической конstellации, а именно кризису средневековых порядков, который начался в XIII в. и достиг апогея на рубеже XV — XVI веков.

Д. Гримм называет средневековый строй догосударственным. В ту эпоху политика не могла стать автономной сферой социальной жизни, независимой от церкви. Социальный порядок считался частью божественного творения, которое человек не может изменять по своему усмотрению. Такой порядок мог сохраняться лишь до тех пор, пока божественная воля и авторитет церкви казались несомненными, пока жизненные отношения были компактными, а светская власть имела незначительные масштабы. В связи с крестовыми походами, географическими открытиями, расширением внешней торговли и другими изменениями возникали проблемы, для решения которых требовалось усиление политической власти. Поэтому уже с XIII в. происходило «сосредоточение суверенных прав в руках монархов»¹⁰.

Средневековый порядок приспосабливался к этим изменениям, но религиозный раскол начала XVI в. привел к его крушению. Споры о сути божественного откровения или о праве папы аутентично интерпретировать его поставили под сомнение сам порядок. Англия быстро преодолела последствия раскола, а на континенте, особенно во Франции, он привел к ожесточенным гражданским войнам. Продуктом этой ситуации стала концентрация и эмансипация власти, заложившая основы современного государства. Конфликты по поводу религиозной истины невозможно уладить путем компромисса. Конфессиональные войны могли завершаться только тогда, когда одна из сторон сокрушала другую, или когда некая третья сила поднималась над враждующими партиями и принуждала их к мирному сосуществованию. Таким образом, назревало «политическое, а не конфессиональное окончание конфликта»¹¹, и важнейшее значение для возникновения современного государства имело принятие Генрихом IV такого решения в 1598 г.

Вследствие этого решения произошел радикальный разрыв с прежней системой власти. Политическая власть встала над порядком и сама определила его содержание. Если раньше власть считалась частью божественного порядка, то теперь стало очевидно ее земное происхождение. Новый порядок был призван обеспечить мирное сосуществование людей в условиях конфессиональных противоположностей. Религия стала терять свою ведущую роль. Благодаря разединению религии и власти возникла самостоятельная сфера политической деятельности. Право становилось позитивным и контингентным, не привязанным к естественному праву. В ситуации гражданской войны новый порядок мог осуществиться лишь при соединении разрозненных прав в одной персоне монарха. В итоге возникла всеобъемлющая власть, для которой «Боден создал понятие суверенитета»¹², исключительного права властителя, который сам не связан правом.

В дальнейших суждениях Д. Гримма понятие суверенитета играет важную роль. «Суверенитет изначально означает право решать, что должно считаться правом»¹³, следовательно, само право не суверенно. Суверенная власть немыслима при заданном божественном порядке. Такое понимание суверенитета отличает современное государство от средневековой власти. В той исторической ситуации, в которой выработалось понятие суверенитета, суверенная власть могла лишь наследоваться монархом. Это обстоятельство мешало современникам видеть разницу между монархом и государством. «Современное государство возникало... не как безличное, абстрактное

7 См.: Staat // Duden: Das Herkunftswörterbuch. 4. Aufl. — Mannheim, 2007. [CD-ROM].

8 Гадамер Х. — Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. — М.: Прогресс, 1988. — С. 427.

9 Grimm D. Der Staat in der kontinentaleuropäischen Tradition // Abschied vom Staat — Rückkehr zum Staat? / Rüdiger Voigt (Hrsg.). — Neubiberg: IfS, 1998. — S. 29.

10 Там же. — С. 31.

11 Там же. — С. 32.

12 Там же. — С. 33.

13 Там же.

учреждение, отличающееся от соответствующего властителя, а как патримониум властителя»¹⁴, и лишь позже было достигнуто различие персоны и института.

Концентрация политической власти в руках монарха разделила былую средневековую общность на две сферы. Меньшая сфера включала монарха и его военный и гражданский штаб, она обладала монополией на легальное принуждение. Большая сфера охватывала всех остальных жителей, подчиненных власти. Для первой сферы как раз в это время появилось понятие государства [die Staat]; слово, обозначающее его, прежде указывало на статус чего-либо. Для второй сферы осталось более давнее понятие и слово «общество». Однако теперь под обществом подразумевалась уже не вся общность, подчиненная одной политической власти, а общность за вычетом государства. Концентрация всей политической власти в руках правителя уравнивала всех прочих членов общества в качестве частных лиц, произошла «приватизация общества». Область частной жизни под абсолютной властью была не сферой индивидуального самоопределения, но лишь статусом «подчиненности государственной воле без участия в ее формировании или осуществлении»¹⁵.

Монархический суверенитет опирался на постоянное войско, которое обеспечивало независимость государственной власти от соперничающих с нею властей. Вместе с тем появлялось профессиональное управление и независимость дворянства от ленного подчинения. Государство все больше делало ставку на юристов, сведущих в римском праве, которому присуще преобладание рациональности. Для подготовки управленцев государство способствовало развитию университетов, дающих светское образование. Особое внимание абсолютное государство уделяло развитию экономики и финансам, которые необходимы для независимого базиса власти.

Д. Гримм обращает внимание на то, что понятия государства и суверенитета, а также различие государства и общества, публичного и частного права в Англии возникли не так, как на континенте. Английская корона обладала прерогативами, но не высшей властью. Сохранились некоторые независимые власти, прежде всего, common law (общее право) и его суды, которые могли занимать относительно независимую от короны позицию. Это объясняется ранним упадком феодальной системы, из-за чего аристократия и буржуазия не отделялись резко друг от друга, и потому они вместе составляли противовес государю. Парламент из представительства сословий развивался в представительство общества, которое постоянно участвовало в политической власти. Островное положение Англии делало ненужным для защиты постоянное войско. Но главное различие состоит в том, что в Англии реформация не вылилась в гражданскую войну, так что не было исторической необходимости и для создания абсолютной государственной власти. Если гражданские войны на континенте предшествовали абсолютизму, как средству обеспечения мира, то в Англии абсолютизм предшествовал гражданской войне, и она велась против абсолютизма за традиционный порядок.

Но и на континенте не во всех странах дело доходило до формирования абсолютной монархии и современного государства. Страны, шедшие к абсолютизму, редко достигали его в той же мере, как Франция. Лишь Россия XVII в. в построении абсолютизма кажется прогрессивнее любого западного государства. «Режим считается скорее уже абсолютистским тогда, когда он избавился от соучастия сословий в финансовом и законодательном отношении и обрел в постоянном войске основу собственной власти»¹⁶. Не было полной власти над судами. Ни одному абсолютному государству не удалось достичь полной власти над всеми жителями подвластной ему территории. Так, крестьяне были подданными своих землевладельцев,

но не государства. Под надзором церкви оставались семейное право и воспитание. Бюрократия не пронизывала всю государственную сферу, образуя штаб только при дворе.

Небывалая концентрация власти в светских руках нуждалась оправдании. Трансцендентное обоснование уже не годилось, поэтому социальная философия опиралась на доводы разума, доступные каждому безотносительно к вере. Так появились теории общественного договора, утверждавшие, что власть проистекает не из божественного назначения, а из согласия подвластных. При этом не было необходимости в отказе от монархического абсолютизма. Напротив, конфессиональные гражданские войны убеждали, что разумно уступить все естественные права государству, если только так могла гарантироваться жизнь и собственность, как учил Т. Гоббс. Так, договорная теория оправдывала абсолютизм, но она же и подтачивала абсолютную власть монарха в некоторых странах. Содержание общественного договора варьировалось в договорной теории. В улаженном обществе разум требовал передачи лишь тех естественных прав, которые нужны государству для защиты свободы и самоопределения индивидов.

Просвещенный абсолютизм Д. Гримм рассматривает как переходный период между абсолютизмом и либерализмом. Во Франции с середины XVIII в. сильная буржуазия считала себя стесненной старыми сословными ограничениями, государственным дирижизмом и стремилась к либеральным изменениям. В то же время большинство немецкого бюргерства из-за отставания в экономическом развитии было не готово к либерализму и не ставило под принципиальное сомнение ведущую позицию государства. Монархи Австрии и Пруссии по своей инициативе принимали меры для преодоления феодальной системы и модернизации общества. Поэтому немецкая «философия Просвещения видела в абсолютных монархах своих естественных союзников»¹⁷. Но она теперь начинала отличать правителя от государства и понимать его функцию как службу государству, благо которого уже не совпадало с интересом династии.

Во Франции, напротив, Просвещение выступало в союзе с буржуазией против государства, а абсолютная монархия защищала старый порядок тем упорнее, чем сильнее становился натиск третьего сословия. Французская буржуазия стремилась изменить общественное устройство и перейти от сословных феодальных отношений к индивидуальной свободе. При этом согласно либеральной доктрине должны вступить в действие механизмы самоуправления, которые автоматически обязаны создать экономическое процветание и социальную справедливость. Политическая власть представлялась только необходимым средством для достижения этой цели. Конституция должна была гарантировать ограничение функций государства, его зависимость от общества, выборное замещение государственных постов, ограничение власти рамками законов, которые принимает парламент.

Представление о возможности процветания общества без всемогущего государства подтачивает оправдание суверенитета. Но французская буржуазия не отказывалась от суверенитета. Она нуждалась в сильной государственной власти для борьбы с сопротивлением старорежимных привилегированных сословий. Этим объясняется различие между конституциями, созданными в ходе французской и американской революций. Французская конституция сделала акцент на суверенном государстве. В Америке, где не было феодализма и сословных барьеров, не было и нужды в либеральной социальной реформе. Но во Франции публичная власть сначала должна была создать то состояние общества, которое в Америке появилось естественным образом. Поэтому Французская революция разрушала абсолютную монархию, но не суверенное государство. Она меняла только субъект суверенитета и переносила его с монарха на народ, от имени которого отныне исполнялись

14 Там же. — С. 34.

15 Там же.

16 Там же. — С. 36–37.

17 Там же. — С. 38.

государственные обязанности. На смену патримониальному государству пришло абстрактное государство.

Завершив социальную реформу, французское государство могло вернуться и к защите свободы. По сравнению с абсолютным государством это означало не только функциональное ограничение государства, но и переворачивание приоритетов в соотношении государства и общества, общих и частных интересов, публичного и частного права. Согласно либеральным воззрениям, частное должно иметь приоритет потому, что «невидимая рука рынка» обеспечивает общее процветание при том, что каждый преследует свой частный интерес. Но «государство и в своей редуцированной функции еще более нуждалось в монополии легитимного физического принуждения и как раз этим отличалось от общества, которое со своей стороны было избавлено от власти и обращено на добровольную кооперацию»¹⁸. Приоритет общества при этом соблюдается постольку, поскольку оно предписывает государству условия использования публичной власти.

Но демократические принципы, призванные гарантировать справедливость, были существенно дезавуированы либеральной практикой. Во всех либеральных государствах избирательное право распространялось на имущие и образованные слои. В то же время промышленная революция породила четвертое сословие, которому как раз не хватало имущества и образования. В результате общий интерес, выражаемый на выборах, отождествился с буржуазными интересами. Правовому равенству партнеров по договору противоречило их фактическое неравенство. При этих обстоятельствах невмешательство государства в частные отношения оказывалось поддержкой интересов более сильного класса. Этот опыт вызывал антигосударственную перемену в политической теории. Многие социалисты и синдикалисты Франции усматривали препятствие социальной справедливости в государстве как таковом. Также и марксистская теория сочла государство агентом классовых интересов.

В Германии, в отличие от Франции, преобладали ожидания социальной справедливости от действий государства. Конституции в сравнительно небольших немецких государствах были не завоеваны народом, а добровольно предоставлены монархами. Они гарантировали свободу частных интересов, тем не менее, монархии оставляли за собой нераздельную государственную власть. Народные представительства стояли, по сути, вне государства. Свобода немецкого бюргерства заключалась не в выработке коллективной воли, а в непричастности к государственному управлению. С одной стороны, государство утратило абсолютную власть над обществом, с другой стороны, общество не имело превосходства над государством в смысле народного суверенитета. Общество казалось скоплением частных интересов, не способным без государства достичь общего блага, а тем более сплотиться ради единого принципа. «Превозношение и идеализация государства, достигшие кульминации в философии Гегеля, были неизбежными следствиями совершенно частного представления об обществе в Германии»¹⁹. Преобладало скорее субстанциальное, чем функциональное понимание государства. В Германии, в отличие от Франции, носителем суверенитета представлялся не народ, а государство как таковое.

Немецкое государство нельзя было считать ни выразителем интересов господствующего класса, ни результатом столкновения различных общественных интересов. Оно имело некоторую независимость от частных интересов, не свойственную даже странам более прогрессивным в конституционном праве. Оно не было в такой же мере буржуазным, как его западные соседи. Если оно практиковало экономический либерализм, то он оставался подчиненным государственному интересу как средство для модернизации общества. Поэтому в Германии со-

циальные идеи гораздо меньше направлялись против государства, чем во Франции. Напротив, от монархического государства ожидалось решение социальных проблем. Так, помощь рабочему классу в его затруднительном положении требовалась в разных индустриальных странах, но именно в Германии она оказалась эффективной. Благодаря патерналистской позиции государства Германия стала ведущей в социальной политике вопреки ее конституционной реакционности.

Смена абсолютизма либерализмом изменила функции и конструкцию государства, но не его природу. Именно теперь она проявилась неприкрыто в своей абстрактности и безличности. Довершив монополию власти, государство явило свою идентичность в качестве противоположности обществу. Правда, основа идентичности изменилась. При абсолютизме идентичность государства опиралась на политическую монополию, которая оставляла обществу политически пассивную роль. Но эта монополия исчезла, когда народ включился в политику в качестве суверена, как во Франции, или участника в тех или иных политических решениях, как в Германии. Тем не менее государство осталось различным феноменом и при либерализме. В монархической Германии отличие государства от общества проявлялось в предметном различии публичных и частных дел. Но и в тех странах, где государство опиралось на принцип народного суверенитета, не допуская немецкого типа разделения государства и общества, государство все-таки отличалось своей функцией охраны порядка и безопасности, используя монополию на физическое принуждение.

В настоящее время опять заметна неуверенность при определении понятия государства в его соотношении с обществом. Д. Гримм объясняет это изменениями, которые произошли в функциональных отношениях между государством и обществом со времен расцвета либерализма. Важнейшей предпосылкой этих изменений ему представляется индустриальная революция, вызвавшая ряд социальных последствий. Одно из них уже упоминалось — возникновение рабочего класса и соответствующих классовых противоречий, которые требуют вмешательства государства в дела общества. «Либеральная цель всеобщего благосостояния и социальной справедливости оказалась недостижимой либеральными средствами»²⁰.

Затем проявились и другие последствия индустриальной революции, которые втянули либеральное представление о государстве в новые злоключения. Ускорился научный и технический прогресс, а он постоянно открывает новые направления деятельности, которые вторгаются в уже сложившиеся отношения, требуя государственных решений. Образуется непосредственная связь между научно-техническим прогрессом и государственными задачами, значительно увеличивается радиус действия политики.

Индустриальная революция повлекла также развитие функциональной специализации, которая, с одной стороны, повышает продуктивность общества, а с другой стороны, увеличивает общественную взаимозависимость и чувствительность к неполадкам. Регулирование отношений посредством свободно заключаемых индивидуальных соглашений по уровню сложности не соответствует достигнутой степени социальной взаимозависимости. Свободное преследование частных интересов уже не ведет автоматически к общему благу. Снижается способность общества обеспечивать социальную интеграцию и справедливость посредством «invisible hand» (невидимой руки), и в той же мере растет нужда в государственном управлении.

Ныне наблюдается расширение государственных задач. Если опыт абсолютизма породил требование удалить государство от общества, то опыт либерализма привел к призыву о его возвращении. От государства вновь ожидается, что оно возьмет ответственность за социальную справедливость и экономическое благосостояние.

18 Там же. — С. 41.

19 Там же. — С. 43.

20 Там же. — С. 47.

С конца XIX в. можно видеть расширение публичного сектора, причем Д. Гримм различает три этапа. Сначала государство взялось исправлять самые очевидные злоупотребления экономической свободой, особенно в области трудовых отношений и экономической конкуренции. Посредством законов были сужены границы экономической свободы и усилена защита нуждающихся членов общества.

Второй этап начался после Первой мировой войны. Государство уже не ограничивалось законодательными коррекциями «laissez-faire» (принципа невмешательства), а помогало преодолению экономических и социальных трудностей. При этом применялись не только законодательные меры, но и финансовая, материальная помощь. Постепенно государство развивало целую систему обеспечения против рисков бедности, безработицы, болезни и т.д. Но и этих мер вскоре оказалось недостаточно.

На третьем этапе от государства ожидается, что оно должно предвосхищать грозящие кризисы, заботиться о развитии инфраструктуры, инициировать технологический прогресс, активно направлять общественное развитие на определенные цели.

Логика государства всеобщего благоденствия сегодня вновь требует от государства широкой ответственности за социальное и культурное общее благо общества, как это было до либеральной эры.

По мере расширения задач государства его новые функции не отменяют старые, процесс идет кумулятивно и ведет к чрезмерному росту административного персонала. Это не способствует укреплению государства. В отличие от небольшого и гомогенного штаба монарха современная официальная служба так разрослась, что она не кажется управляемой и когерентной. Умножение функций государства и новых отраслей управления умножает и конфликты целей этих отраслей. Вершина официальной иерархии так перегружена ответственностью, что у политического руководства остается лишь символическое значение. К тому же современный инструментарий государства, имеющий нормативный характер, действует не так прямо и связно, как традиционные репрессии. В результате, государственная власть становится все более раздробленной на бессвязные части.

Современное государство всеобщего благоденствия по объему своей деятельности не уступает абсолютному государству или даже превосходит его, но оно выглядит значительно ограниченнее в применении приказаний и принуждения. Автономия экономики исключает принудительное управление в политических масштабах, и это позволяет ей руководствоваться своими критериями рациональности, что способствует ее продуктивности. Зависимость государства от этой продуктивности более действенно ограничивает прямые государственные вмешательства, чем положения конституции. В результате, государство может применять в этой сфере только такие недирективные средства, как убеждение, финансовые стимулы и устрашения, изменение общих условий развития. Несмотря на увеличение объема и значимости деятельности государства «частичный отказ от принудительной власти тоже содействует эрозии государства»²¹. Недирективные средства не отличаются принципиально от инструментария, который находится в распоряжении общества, и это способствуют вытеснению государства с его иерархической позиции на один уровень с обществом.

Растущее применение недирективных средств тоже влияет на возможность различать государство и общество и идентифицировать государство. Достижение государственных целей в тех областях, где государство может лишь мотивировать общественное поведение, зависит от действий не только государства, но и негосударственных субъектов, принимающих решения. Зависимость государства от них дает им привиле-

гированную позицию. Они могут рассчитывать на ответные услуги за кооперацию и на повышение своей политической влияния. Право решения все же сохраняется за государственными деятелями, но государство делится властью принятия решения с частными лицами. Поскольку это происходит, ставится на кон монополия публичной власти как важнейшая характерная черта современного государства. При этом исчезают ясные разграничения между государством и обществом. Так некоторые черты догосударственной нецентрализованной средневековой системы вновь появляются в политической системе современности.

Внутреннее размытие высшей власти имеет внешнюю параллель. Современное государство и его суверенитет нашли свое высшее выражение в национальных государствах XIX в. Но в XX в. умножение экономических и коммуникационных сплетений, увеличение дальности действия и силы новейшего оружия добавили проблем, которые уже не могут решаться в рамках национальных государств. Для их решения возникли наднациональные организации, которым национальные государства передали ряд суверенных прав. Наднациональные организации исполняют законодательные, административные и даже судебные функции. В результате «государство уже не концентрирует в себе всю легитимную принудительную власть, а делит ее с другими, не государственными, хотя и не частными институтами»²². Эрозия государственной власти продвигается как изнутри, так и извне.

Различные явления растворения государства побудили одних авторов объявить о его конце, а других молча отказаться от понятия государства и говорить лишь о политической системе. Первая позиция часто опирается на расхождение современной реальности с классической теорией государства. Однако трансформация государства в период от эпохи абсолютизма до эпохи либерализма не означают, что верховная, суверенная и принудительная власть больше не существует. Напротив, по ряду параметров современная официальная власть стала более обширной и эффективной. Молчаливый отказ от понятия государства отражает тот факт, что политическая действительность уже не сводится к государству. Но стало ли государство подсистемой в пределах политической системы? При такой постановке вопроса можно заметить, что в политической системе некоторые имеют право принимать и принудительно осуществлять обязательные общие решения, а другие могут участвовать в подготовке решений, оставаясь все же зависимыми от государственных установлений. Это значит, что рано считать государство несуществующим, если не брать нереально высокий критерий для определения государственности.

Традиционно роль государства усматривали в том, чтобы осуществлять общее благо в противовес частным интересам. Для этого оно должно было стоять над обществом и обладать высшей властью. Но граница между общим благом и частными интересами стерлась. С одной стороны, преследование частных интересов тоже может служить общему благу. С другой стороны, демократическое государство, формируемое по принципу партийного представительства, само не свободно от собственных интересов. Кажется, специфическая задача государства в развитых индустриальных обществах состоит сегодня в том, чтобы компенсировать эгоизм автономных подсистем, недостаток их внимания к своему окружению. При этом государство не действует ни как единственный представитель общего блага, ни как гегемон. Государство сохраняет влияние на автономные подсистемы ещё и потому, что «оно единственное располагает ресурсом правового принуждения, тогда как все другие подсистемы могут создавать лишь давление обстоятельств»²³. В этом отношении ядро традиционной государственности сохраняется.

21 Там же. — С. 50.

22 Там же. — С. 51.

23 Там же. — С. 53.

В завершение Д. Гримм высказался о надобности по-новому определить позицию и функции государства, но свою собственную задачу он ограничил «историческим эскизом»²⁴ генезиса современного государства.

Как видно из содержания статьи, автор не задавался целью определить понятия государства и общества «вообще». Он рассмотрел соотношение этих предметов только на определенном отрезке истории и преимущественно в европейском (континентальном) ареале. Речь идет именно о современном (модерном, modern) государстве, а вопрос о том, существовало ли вообще государство до XVI в., например, у древних эллинов и римлян, не ставится. Тем не менее достаточно внятное освещение получил вопрос о том, какими обстоятельствами была обусловлена необходимость различать понятия государства и общества, и о том, как менялись взаимоотношения государства и общества.

Но все же в формулировках Д. Гримма тоже проявляется амбивалентное понимание государства. Хотя в ходе всего изложения модерное государство отграничивается от общества, в преамбуле статьи сказано буквально следующее: «Оно появляется как абстрактное и сверхличное образование, которое не идентично ни с властвующими, ни с подвластными, но охватывает тех и других»²⁵. Судя по этим словам, государство, как охватывающее «всех», идентично с социальным целым, хотя далее государство представляется как нечто отличное от общества и, следовательно, как часть социального целого.

В качестве неотъемлемого признака государства Д. Гримм особо выделяет его монополию на физическое принуждение (или власть и насилие, die Gewalt — опять же полисемантическое слово). Обычно выделение этого признака приписывают Макс Веберу²⁶, у которого, однако, нет развернутого обоснования; он лишь попутно дал дефиницию государства в своих суждениях о политике как призвании и профессии. В этих суждениях Вебера, как можно убедиться, опять-таки имеет место двусмысленное употребление слова «государство».

Итак, полисемия слова «государство» и ряда слов, находящихся в смысловой связи с ним (общество, нация, гражданин), сохраняется не только в обыденной речи, но и в научном обороте. В одних случаях государство представляется как социальное целое, в других — как его управляющая часть. Нередко авторы, формулирующие определение понятия государства, как будто намеренно подбирают двусмысленные средства выражения, чтобы по мере надобности употреблять определяемый термин то в одном, то в другом смысле. Во избежание двусмысленности нужно закрепить за научным термином «государство» только одно значение и называть этим термином либо некоторое социальное целое, либо его управляющую часть. Возможен ли рационально мотивированный выбор одного из двух вариантов?

Допустим, что государством следует именовать социальное целое, как обычно и поступают, говоря, например, что в некотором государстве проживают люди многих национальностей. В таком случае пришлось бы подобрать особый термин для обозначения управляющей части, которая не идентична ни социальному целому, ни той его части, которая живет (в качестве «общества») своей частной жизнью, не занимаясь управлением социальным целым. Если использовать для обозначения управляющей части слово «правительство», то будет указан толь-

ко интеллектуально-волевой компонент управляющей части, но не учтен ее силовой компонент (армия, полиция и т.д.). Поэтому термином «государство» удобнее обозначать всю управляющую часть социального целого, весь «аппарат управления» социальной системой в единстве его интеллектуально-волевых и силовых компонентов. Тогда термином «общество» уместно обозначать все множество людей, принадлежащих к данному социальному целому и подчиненных государству как аппарату управления. Лица, занятые (в данный момент) государственной деятельностью, тоже принадлежат к обществу; государство как аппарат управления не тождественно с этими лицами: лица, занятые государственным управлением, меняются, но аппарат управления при всех его метаморфозах сохраняется как сила, необходимая для обеспечения существования обширного социального целого.

Таким образом, словом «общество» удобнее (в силу сложившейся речевой практики и во избежание полисемии) обозначать все социальное целое, а словом «государство» — только управляющую часть такого обширного общества, которое в силу его необозримой обширности и гетерогенности может существовать как целое, как система только при наличии особого аппарата управления.

Вместе с тем не следует считать синонимами выражения «общество» и «социальное целое», или «социальная система». Можно различить общество «нуклеарное» (с государством в качестве его ядра), организованное как система, и общество «сетевое», способное существовать без государства в виде бессистемного конгломерата множества соприкасающихся общин. Общество второго вида не является социальным целым или системой. Поэтому понятие общества шире, чем понятие социального целого, социальной системы. Однако анализ и обоснование такого различия выходят за рамки этой статьи.

Пристатейный библиографический список

1. Grimm D. Der Staat in der kontinentaleuropäischen Tradition // Abschied vom Staat — Rückkehr zum Staat? / Rüdiger Voigt (Hrsg.). — Neubiberg: IfS, 1998.
2. Staat // Duden: Das Herkunftswörterbuch. 4. Aufl. — Mannheim, 2007. [CD-ROM].
3. Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. — М.: Статут, 2010. — Т. 8: Учебники и учебные пособия. — 2010.
4. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. — М.: Прогресс, 1990.
5. Гадамер Х. — Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. — М.: Прогресс, 1988.
6. Классен Х. Дж. М. Было ли неизбежным появление государства? // Раннее государство, его альтернативы и аналогии: [сб. ст.] / Под ред. Л. Е. Гринина [и др.]. — Волгоград: Учитель, 2006.
7. Митина С. И. Теория государства и права: основы науки: курс лекций. — Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т, 2010.
8. Пьянов Н. А. Актуальные проблемы теории государства и права: учебное пособие. — Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2007.
9. Ромашов Р. А. Теория государства и права. Краткий курс. — СПб.: Питер, 2010.
10. Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии / Под ред. [и с предисл.] Э. Л. Радлова. — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1911.
11. Чиркин В. Е. Государствоведение: Учебник. — М.: Юрист, 2000.

24 Там же. — С. 53.

25 Там же. — С. 29.

26 См.: Вебер М. Избранные произведения, 1990. — С. 645–651.